

Рк Ш, 143  
Г 39

**ГЕРРО**

**МАРІЯ**

**БАШКИРЦЕВА.**

## КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

+

Шифр Ш143 Г39 Инв. № 2671453Автор Горько.Назва Маврин Галикичова : крив.-  
бюб. мовр. очерк.Місце, рік видання М., 1905Кіль-ть стор. 39, [1]с. : ил.

-\\- окр. листів \_\_\_\_\_

-\\- ілюстрацій [1]с. вкисел. ил.

-\\- карт \_\_\_\_\_

-\\- схем \_\_\_\_\_

Том \_\_\_\_\_ частина \_\_\_\_\_ вип. \_\_\_\_\_

Конволют: Розпадається блок.

Примітка:

З.О.О.О. . .Олеш!

№ Б307023

Щ 143

Г 39

ГЕРРО.

№ Б307023  
РК

НАЦІОНАЛЬНА  
ПАРЛАМЕНТСЬКА  
БІБЛІОТЕКА  
УКРАЇНИ

МАРІЯ

БАШКИРЦЕВА.

КРИТИКО-БІБЛІОГРАФІЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СЪ ДВУМА ПОРТРЕТАМИ.

МОСКВА.

1905.

Дозволено цензурою. Москва, 8 декабря 1904 г.

Типографія А. Побѣдимовой, Тверская, д. Коровина.

Посвящается

памяти двадцатилетия со дня смерти **Мари Башкирцевой.**



Марія Башкирцева (15 лѣтъ).



Марія Башкирцева (15 лѣтъ).





„Здѣсь были великія силы, нагроможденныя въ изобиліи, подобно матеріаламъ для возведенія храма Соломона, но онѣ погибли въ двойномъ разочарованіи“.

ГЛАДСТОНЪ.

„А жизнь человека, вся жизнь, какъ она есть, безъ всякой замаскировки и прикрасъ — всегда великая и интересная вещь“.

*Дневникъ Башикирцевой. Іюль 1874 г.*



За истекшіе двадцать лѣтъ неоднократно уже появлялись, какъ въ русской, такъ и иностранной печати, критическія статьи, посвященныя разбору „Дневника“ и картинъ Башкирцевой. Но несмотря на это, ни на то, что и мноія иностранныя статьи и „Дневникъ“ Башкирцевой были переведены и напечатаны на русскомъ языкѣ, тѣмъ не менѣе имя Башкирцевой еще мало извѣстно у насъ въ Россіи мною мсленной интеллигентной публикѣ.

Между тѣмъ Башкирцева являеь въ одной, изъ яркихъ представительницъ женской силы мысли и творческой отзывчивости“, являеь одной изъ исключительно феноменальныхъ личностей, заслуживаетъ вниманія, и по этимъ двумъ причинамъ главными образамъ я останавливаюсь на ней.

Но что имя Башкирцевой мало извѣстно нашей интеллигенціи, отчасти объясняется конечно и тѣмъ, что короткая жизнь Башкирцевой (она умерла 23 лѣтъ отъ роду)

почти цѣликомъ прошла внѣ ея родины, частью въ Италіи, частью во Франціи, въ которой были сосредоточены ея интересы,— въ Ниццѣ и въ Парижѣ, идѣ, по выраженію Гладстона, она подбиралась дисциплинѣ и дѣятельно предавалась обожанію искусства.

Въ моемъ очеркѣ я имѣю ввиду познакомить читателей съ біографіей нашей даровитой соотечественницы, а также и съ упомянутыми выше критическими матеріалами.

Очеркъ мой я посвящаю памяти недавно исполнившагося двадцатилѣтія со дня смерти талантливой художницы.

Москва,  
Ноябрь, 1904 г.

## I.

Въ Парижѣ, въ Люксембургскомъ Музеѣ, есть статуя, названная „*Безсмертіемъ*“. Эта группа изображаетъ молодого генія, умирающаго у ногъ ангела смерти. Послѣдній держитъ въ рукахъ табличку со спискомъ великихъ людей, сошедшихъ преждевременно въ могилу, но уже покрывшихъ себя безсмертіемъ на землѣ. Глаза генія устремлены на списокъ. Ч среди 8-ми французскихъ именъ, начертанныхъ въ этомъ списокѣ, стоитъ одно русское женское имя:—это имя Маріи Башкирцевой.

Трудно охарактеризовать въ нѣсколькихъ словахъ личность загадочной, феноменальной дѣвушки и то значеніе, которое имѣютъ завѣщанные ею намъ труды.

Болѣе 150 картинъ, двухсотъ рисунковъ и эскизовъ, акварели, нѣсколько скульптурныхъ этюдовъ, 109 тетрадей дневника и письма—вотъ все, что было создано Маріей Башкирцевой въ сравнительно короткій періодъ ея жизни. Но прежде чѣмъ перейти къ разбору и оцѣнкѣ картинъ и дневника Башкирцевой, я въ краткихъ словахъ познакомлю читателей съ ея біографіей.

Марія Константиновна Башкирцева родилась въ селѣ Гавронскомъ, близъ Полтавы 11 ноября 1860 года.

Башкирцева происходила изъ богатой, исключительно обеспеченной семьи.

Объ вѣтви родословной Башкирцевой были старинныя южно русскія семьи.

Она была внучкой одного изъ защитниковъ Севастополя генерала Павла Григорьевича Башкирцева. Отець ея былъ долгое время полтавскимъ предводителемъ дворянства и умеръ на службѣ.

Со стороны же матери (урожденной Бабаниной) Башкирцева принадлежала къ старинному дворянскому роду, который велъ свое начало отъ татаръ перваго нашествія. Спустя два года послѣ свадьбы, мать Башкирцевой разошлась съ мужемъ и переѣхала съ двумя дѣтьми въ имѣніе своихъ родителей.

Такимъ образомъ дѣтство Башкирцевой протекло въ деревнѣ, въ домѣ Бабаниныхъ, въ тѣсномъ кругу родныхъ — больше въ обществѣ дѣда, обожавшей и боготворившей ее бабушки и тети. Воспитаніемъ ея занимались кромѣ того двѣ гувернантки, одна русская, другая француженка, которыхъ держали въ домѣ Бабаниныхъ по тогдашнему обычаю богатыхъ дворянскихъ семей, живущихъ въ деревнѣ. Въ 1870 году, когда Мери минуло 10 лѣтъ, Башкирцевы: мать, дѣдушка, братъ, маленькая кузина и домашній врачъ, отправились за границу и, послѣ двухлѣтняго путешествія по Европѣ, поселились въ Ниццѣ.

Здѣсь въ виллѣ „Aqua-Viva“ 12-ти лѣтняя Башкирцева начала писать свой знаменитый, пережившій ее дневникъ.

Затѣмъ, удаливъ отъ себя своихъ учительницъ, она выработала самостоятельно подробную программу для своихъ занятій науками и искусствомъ и, дорожа каждой минутой, энергично приступила къ выполненію тщательно и обширно выработанной ею программѣ. Такимъ образомъ, Башкирцева взяла дѣло своего воспитанія сама въ свои руки.

Разсужденія и замѣтки Башкирцевой по этому

поводу встрѣчаются нерѣдко въ ея дневникѣ. Вотъ что она пишетъ въ 1874 году:

„Приходилъ учитель рисованія; я ему дала списокъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ учителей изъ Лицея“ \*).

„Мнѣ тринадцать лѣтъ, пишетъ она дальше, если я буду терять время, что же изъ меня выйдетъ?“

„Въ 16, 17 лѣтъ мнѣ придуть другія мысли, а теперь-то и время учиться“.

И эта не покидавшая ее ни на минуту сосредоточенность ея проходитъ характерной чертой черезъ всю ея трудовую жизнь.

Въ указанномъ выше фактѣ особенно ярко высказывается черезчуръ раннее развитіе Башкирцевой и первыя проявленія ея необыкновенно богато-одаренной натуры, ея стремленія къ самоусовершенствованію, ея рвеніе и любовь къ труду. Изъ того же видно, какъ сильно умѣла дѣйствовать маленькая Мери на своихъ родныхъ своею волею и дѣтской талантливостью. Члены ея семейства были ея рабами, къ дѣду же своему она относилась просто „en egal“. Итакъ въ Башкирцевой рано пробуждается сознание своего превосходства надъ окружающими, сознание своихъ недюжинныхъ дарованій и воли и она начинаетъ поддаваться вмѣстѣ съ этимъ многимъ, обычнымъ слабостямъ даровитыхъ дѣтей. Въ ней пробуждается въ то же время жажда лихорадочной, головокружительной жизни. Она работаетъ непрерывно, безъ отдыха, развивая одновременно и съ крайне-преждевременной быстротою свои необыкновенныя способности, блиста-

---

\*) Этотъ списокъ привелъ между прочимъ въ недоумѣніе директора Лицея своей полнотой и корректностью; и какъ намъ извѣстно одинъ изъ приглашенныхъ профессоровъ едва не упалъ въ обморокъ отъ удивленія и еще болѣе изумился отъ невѣроятныхъ усилій Маріи.

тельные, всестороннія дарованія. Она играетъ на рояли, на цитрѣ, на мандолинѣ, арфѣ, гитарѣ. Обладая выдающимся, рѣдкимъ голосомъ и ярко выраженнымъ драматическимъ талантомъ, она занимается пѣніемъ, и въ своемъ увлеченіи этимъ высшимъ примѣненіемъ звука, она доходитъ до такихъ крайностей, что мечтаетъ стать великою пѣвицею и великою артисткою. Владѣя въ совершенствѣ своимъ роднымъ и французскимъ языками, она изучаетъ также англійскій, нѣмецкій, итальянскій, а позже и древніе языки. Она рисуетъ, читаетъ съ ненасытной страстью, созерцаетъ природу, восторгается ея великолѣпными картинами. Къ этому же первому періоду пребыванія Башкирцевой въ Ниццѣ относится ея первая любовь. Любовь эта была первымъ сильнымъ движеніемъ ея сердца, она возбуждала въ ней кипучую внутреннюю жизнь. Въ 13 лѣтъ она чахла и страдала такъ, какъ страдаетъ настоящая вполне созрѣвшая женщина. Это обстоятельство еще разъ и еще ярче указываетъ намъ на раннее развитіе Башкирцевой.

Съ мечтами о томъ, что она станетъ чѣмъ-нибудь особенно выдающимся и, такимъ образомъ, достигнетъ того, что у ногъ ея будетъ цѣлый міръ и въ томъ числѣ какой-то герцогъ, котормъ она была увлечена, что она будетъ выбирать между принцами и князьями и выберетъ герцога—съ мечтами объ этомъ она живетъ около двухъ лѣтъ, читая, работая, плача отъ томленія и тоски, этихъ двухъ неизбѣжныхъ спутниковъ богато-одаренной природы.

Конецъ этой первой любви былъ весьма печаленъ. Чудный голосъ Башкирцевой, прослушанный всѣми парижскими авторитетами пѣнія и признанный ими, погибъ отъ горловой болѣзни, постепенно и медленно забиравшей юную жертву. Герцогъ женился; и мечты Башкирцевой о ве-



пикой славы погибли вмѣстѣ съ мечтами о великой любви!

Изъ Ниццы Башкирцевы совершаютъ поѣздки въ Парижъ, во Флоренцію. Въ 1876 году онѣ уѣзжаютъ на продолжительное время въ Италію, затѣмъ ѣдутъ въ Россію. Поѣздка эта въ Россію была связана у Башкирцевой съ планомъ, которымъ въ послѣднее время были поглощены всѣ ея мечты: она хотѣла возстановить свою семью, т. е. помирить мать съ отцомъ и привести послѣдняго въ Ниццу.

Но этотъ планъ, къ сожалѣнію Башкирцевой, не осуществился...

Въ 1877 году, послѣ новой поѣздки въ Италію и послѣ того какъ Башкирцева пережила свое второе разочарованіе въ любви, онѣ возвращаются во Францію, и по настояніямъ Маріи поселяются въ Парижъ, гдѣ она поступаетъ въ частную художественную академію Жуліана. Здѣсь она систематически занимается въ мастерской подъ руководствомъ профессора Роберта Флѣри, Жуліана. Она быстро завоевываетъ общія симпатіи товарищей и профессоровъ, а ея рѣдкій, оригинальный талантъ дѣлаетъ невѣроятные успѣхи, доходящіе до того, что у профессоровъ возникаетъ сомнѣніе относительно подлинности ея работъ.

Послѣ ея одиннадцати мѣсячной работы въ мастерской Жуліана жюри академіи, состоящее изъ знаменитыхъ французскихъ художниковъ, какъ Р. Флери, Бугеро, Буланже, Лефевръ, присуждаетъ ей первую золотую медаль.

Черезъ годъ она оканчиваетъ курсъ въ академіи. Успѣхъ Башкирцевой возрастаетъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ, тѣсный кругъ ея знакомыхъ расширяется, она посѣщаетъ салоны, интересуется политикой, отправляется въ палату депутатовъ, наконецъ, становится республикан-

кой, и даже отчасти революционеркой. Словомъ, на протяженіи какихъ-нибудь десяти лѣтъ, которые обнимаютъ жизнь Башкирцевой съ перваго проблеска ея сознанія—ее волнуютъ десятки самыхъ различныхъ вопросовъ.

Осенью 1884 года, когда Башкирцевой исполнилось уже 23 года, она испытываетъ чрезмѣрную слабость, но продолжаетъ все еще работать. Въ послѣднихъ числахъ октября ея недугъ—пораженное легкое, которое уже десять лѣтъ постепенно и медленно подтачивало ея организмъ, далъ себя сильно почувствовать.

„Я могу протянуть, но всетаки я погибшій человѣкъ, записываетъ Башкирцева въ своемъ дневникѣ. Я слишкомъ много волновалась и мучилась. Я умираю вслѣдствіе этого, это логично, но ужасно!.. Въ жизни столько интереснаго! Вотъ когда хотѣлось бы вѣрить въ добраго Бога, который приходитъ и все устраиваетъ“...

За мѣсяць до смерти, отгоняя мечты и иллюзіи, которыя всегда такъ упорно витаютъ у изголовья чахоточныхъ, она ясно чувствуетъ приближеніе смерти.

„Такъ вотъ, наконецъ, конецъ всѣхъ нашихъ страданій, записываетъ Башкирцева, столько стремленій, столько желаній, столько плановъ, столько... для того, чтобы умереть въ 24 года на порогѣ всего!“ Это предчувствіе смерти у Башкирцевой доходитъ, наконецъ, до того, что она записываетъ въ октябрѣ 1884 года:

„Впрочемъ—все кончено. Все кончено. Въ 1885 году меня похоронятъ“.

Но на этотъ разъ Башкирцева ошиблась. Она умерла въ концѣ того-же мѣсяца. Опасно больная она знала о томъ, что ей не выздоровѣть. Но она не сѣтовала и не жаловалась. И въ этомъ она проявила себя во всемъ безстрашіи женской выносливости и терпѣливости.

20 Октября Башкирцева послѣдній разъ записываетъ въ свой дневникъ. 31 октября смерть обрываетъ нить ея напряженнаго и переутомленнаго существованія. Такова въ краткихъ словахъ біографія Маріи Башкирцевой.

II.

„C'est tres intéressant comme document humain“.

M. Bachkirtseff.

20 21 253  
Перехожу къ „Дневнику“ Башкирцевой. Дневникъ Башкирцевой впервые былъ изданъ заграницей на французскомъ языкѣ (1887 году). Говоря точнѣе, это было извлеченіе изъ дневника Башкирцевой, сдѣланное французскимъ писателемъ Андре Терье по его личному выбору и вкусу. Книга эта имѣла тогда же шумный успѣхъ и выдержала нѣсколько изданій. Она вскорѣ была переведена (съ французскаго) почти на всѣ европейскіе языки и пользовалась вездѣ и въ Старомъ и въ Новомъ свѣтѣ совершенно исключительнымъ успѣхомъ.

Заслуга же ознакомленія съ дневникомъ Башкирцевой русской публики принадлежитъ г-жѣ Л. Я. Гуревичъ. \*)

Лучшее объясненіе интереса, возбужденнаго дневникомъ Башкирцевой даетъ въ своемъ предисловіи самъ авторъ, называя свой дневникъ „интереснымъ человѣческимъ документомъ“.

„C'est tres intéressant comme document humain“, говоритъ Башкирцева.

\*) См. „Сѣверн. Вѣст.“ 1893 г. Въ 1901 году Иллюстрированный дневникъ Башкирцевой былъ изданъ Тов. М. О. Вольфъ. Въ 1905 г. вышелъ въ свѣтъ „Неизданный Дневникъ“ Б—вой подъ редакціей г. Геларотъ.

Дневникъ ея—это подробнѣйшая и правдивѣйшая фотографія человѣческой жизни въ наиболѣе интересномъ ея періодѣ развитія и образованія характера. Талантливая, нервная, высокообразованная молодая художница, съ самаго дѣтства проникнутая жаждою живыхъ, свѣжихъ человѣческихъ впечатлѣній, зорко слѣдящая за всѣми явленіями окружающей жизни, въ особенности литературной и художественной, заноситъ на страницы своего дневника безконечную массу блестящихъ мыслей, взглядовъ, мнѣній, наблюденій, проникнутыхъ такимъ умомъ, что Гладстонъ смѣло называетъ ее „истинно гениальною“, несмотря даже на то, что нѣкоторыя изъ сужденій, относительно литературы и искусства, кажутся эксцентричными, высказанными, по выраженію того же Гладстона, почти „анормальнымъ существомъ“.

Въ дневникѣ съ полною искренностью выражена вся исторія пылкой, чистой души въ борьбѣ съ соблазнами свѣта и тщеславія, высокія мечты, стремленія и разочарованія и беззавѣтная, страстная преданность искусству, которую не могли понять окружающіе ее близкіе люди. \*)

Особенно цѣненъ и интересенъ дневникъ Башкирцевой съ той точки зрѣнія, что онъ написанъ типичною женщиною и написанъ искренно, безъ всякой рисовки.

Истина рѣдко доходитъ къ намъ изъ интимной глубины душевной жизни, говоритъ Лаура Маргольмъ въ своей книгѣ о женщинѣ. Но еще рѣже раскрываетъ намъ ее психическая исторія женщины.

Женщины вообще не любятъ писать собственной своей исторіи; а если онѣ и пишутъ, то сохранившійся матеріалъ не имѣетъ истиной

---

\*) Очеркъ гр. А. З. Муравьевой.

психологической цѣнности. Въ большинствѣ случаевъ онъ страдаетъ фальшью и неискренностью.

Среди книгъ, написанныхъ женщинами о самихъ себѣ, я знаю только двѣ, сохранившія непосредственную свѣжесть настроенія и имѣющія громадное значеніе, какъ правдивый документъ.

Это дневники, Мистрисъ Карлейль и Маріи Башкирцевой. Въ томъ и въ другомъ преобладающая нота—отчаяніе двухъ существъ, чувствующихъ, что они связаны сдавлены. доведены до крайности,—чувствующихъ, что у нихъ отняли жизнь, причѣмъ оба они въ точности не знаютъ какъ и кто?

Мы должны согласиться со словами Башкирцевой, занесенными ею въ предисловіе къ своему дневнику:

„Жизнь женщины, пишетъ она, записанная изо дня въ день безъ всякой рисовки, какъ будто бы никто въ мірѣ не долженъ былъ читать написаннаго, и въ то же время съ страстнымъ желаніемъ, чтобы оно было прочитано—всегда интересна“.

Въ томъ же предисловіи, написанномъ за пять мѣсяцевъ до смерти, Башкирцева говоритъ, что она во все время неослабно старалась обнажить истинное существо своей натуры предъ людьми, разсказывая о себѣ *все, все, все*.

„Она выставляетъ предъ нами великолѣпную гкань, вывороченную наизнанку. Обладая феноменальною личностью и подстрекаемая отважною искренностью, она безпрестанно роется въ глубинѣ своей души и вытаскиваетъ на поверхность все, что находитъ на днѣ испещреннымъ холмами и долинами подобно дну океана“.)

И это стремленіе Башкирцевой къ самоанализу, къ разгадкѣ своего духовнаго „я“ изобличаетъ

\*) Гладстонъ, журн. „Nineteenth Century.“ 1889 г.

намъ ея славянскую натуру, которой, дѣйстви-  
тельно, свойственны странности характера и ука-  
занныя выше стремленія.

Я приведу далѣе слова Башкирцевой вмѣстѣ  
съ удачнымъ замѣчаніемъ по ихъ поводу гр. Му-  
равьевой. Башкирцева пишетъ: „Если бы мой  
дневникъ не представлялъ точной, абсолютной,  
строгой правды,—онъ не имѣлъ бы никакого  
смысла... Въ немъ я вся, но быть можетъ, я не  
могу представить достаточнаго интереса для васъ,  
не думайте поэтому, что это я, думайте, что это  
просто *человѣкъ*, разсказывающій вамъ свои впе-  
чатлѣнія съ самаго дѣтства“.

Однако на самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ гр. Му-  
равьева, интересны эти впечатлѣнія именно по-  
тому, что они написаны не „просто человѣкомъ“,  
а личностью необыкновенною, обладательницею  
блистательныхъ всестороннихъ дарованій и, еще  
главнѣе, потому что страницы этого дневника  
представляютъ не только нравственный портретъ  
автора, сколько анатомическое и психологиче-  
демонстрированіе одной изъ исключительныхъ,  
загадочныхъ натуръ.

Въ своемъ дневникѣ она заставляетъ прослѣ-  
дить съ нею ея жизнь, отъ брызжущаго и пѣня-  
щагося потока молодости до предсмертнаго пе-  
реутомленія ея послѣднихъ дней.

Башкирцева была молодою дѣвушкою, никогда  
не бывшей женщиной. Но она еще болѣе инте-  
ресна тѣмъ, о чемъ она не говоритъ, чѣмъ своей  
исповѣдью. Въ этомъ отношеніи, говоритъ Мар-  
гольмъ, книга Башкирцевой даетъ намъ ключъ  
къ психологіи молодой дѣвушки своимъ красно-  
рѣчивымъ молчаніемъ о неизвѣданной ею области  
чувствъ.

Наконецъ, дневникъ Башкирцевой представ-  
ляетъ значительный интересъ и потому, что  
Башкирцева, вращаясь въ великосвѣтскихъ, ли-

тературныхъ и политическихъ кружкахъ Парижа въ эпоху, слѣдовавшую тотчасъ послѣ франко-прусской войны, во времена коммуны, диктаторства Гамбетты и начала третьей республики,—записывала подъ живымъ впечатлѣніемъ свои наблюденія и встрѣчи.

Дневникъ Башкирцевой написанъ прекраснымъ, сильнымъ языкомъ, что свидѣтельствуетъ о недюжинной литературной способности этой необыкновенной дѣвушки; и если, говоритъ Гладстонъ, часто она недосказываетъ фразы, то это происходитъ, повидимому, потому, что даже ея великое умѣніе владѣть языкомъ не вполне соотвѣтствуетъ силѣ и энергіи ея мысли.

Какъ я уже указалъ выше, Башкирцева, начала вести свой дневникъ съ 12-ти лѣтъ возраста. Съ теченіемъ времени это невинное эгоистическое удовольствіе превратилось для Башкирцевой, чуждой всю свою жизнь общества подругъ и сверстницъ, въ своего рода нравственное обязательство.

„Я не могу писать, говорить она въ одномъ мѣстѣ своего дневника, и однако, что-то мнѣ приказываетъ. Пока я не расскажу всего, что внутри мучитъ меня“.

Дневникъ былъ для Башкирцевой ея единственнымъ другомъ.

„Мой дневникъ начинается съ 12-ти лѣтъ, хотя представляетъ интересъ только съ 15, 16 лѣтъ“, замѣчаетъ въ предисловіи къ дневнику Башкирцева \*).

Въ этомъ мы должны согласиться съ нею, но только отчасти, оттого что и на первыхъ стра-

---

\*) Слѣдуетъ замѣтить, что предисловіе это было написано Б—вой за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти и потому оно является скорѣе послѣсловіемъ, а не предисловіемъ.

ницахъ дневника мы встрѣчаемъ весьма оригинальныя разсужденія, интересныя и ярко характеризующія автора замѣтки. Такъ, на примѣръ, среди полудѣтскихъ фразъ вы встрѣтите разсужденія вполне взрослога человѣка о неприглядныхъ сторонахъ супружеской жизни, какою она является въ самой неприкрашенной реальности и т. д.

Башкирцева ведетъ лихорадочную, напряженную жизнь, душа ея глубоко взволнована, она постоянно возбуждена, и ея постоянное напряженіе не есть только усиліе, но, какъ говоритъ Гладстонъ, — „усиліе поднятое аномальной энергіей“. И мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ страницъ въ дневникѣ Башкирцевой, гдѣ она отчаивается, ради каждаго безцѣльно или бездѣтельно проведеннаго часа.

Иногда она, какъ бы очнувшись подъ давленіемъ ощущаемыхъ ею сильныхъ чувствъ, подъ вліяніемъ гнетущихъ ее домашнихъ обстоятельствъ (домашніе не понимали ее и часто являлись причиною ея раздраженій), она отдается свойственному ей порыву отчаянія.

Такъ она записываетъ въ Римѣ лѣтомъ 1876 г.

„Я остаюсь разсудительной, пока не думаю о томъ, что живутъ только одинъ разъ. Нѣтъ вы только подумайте, *живутъ только разъ* и жизнь такъ коротка!

Когда я только подумаю объ этомъ, то становлюсь безумной и мозгъ мой кипитъ отъ отчаянія.

Живешь только разъ! А я теряю эту драгоценную жизнь, *запрятанная вдали никого не видя*.

Меня заставляютъ недостойно терять мое время! А дни все бѣгутъ и бѣгутъ, они уже никогда не вернуться, они все укорачиваютъ мою жизнь!“

Эта лихорадочная поспѣшность жить, жить возможно полной жизнью, проявляется у нея особенно съ переѣздомъ въ Парижъ, съ поступленіемъ ея въ художественную академію Жуліана



и съ ознакомленіемъ ея съ парижской салонной жизнью.

„Люди обыкновенно не цѣнятъ своей молодости, записываетъ Башкирцева, но я знаю цѣну всему, какъ старикъ, и не хочу упустить ни одной радости“.

---

### III.

Время поступления Башкирцевой въ академію Жуліана было поворотнымъ пунктомъ ея жизни. Единственная страсть, страсть къ живописи овладѣваетъ мятущейся душою Башкирцевой; въ этой страсти соединяются въ одно цѣлое всѣ разбросанныя сокровища ея ума.

Наканунѣ своей первой работы въ atelier она записываетъ въ дневникѣ: „Всѣ мои фантазіи изсякли... Я чувствую, что наступило наконецъ время остановиться. Съ моими способностями въ два года я нагоню потерянное время“.

И Башкирцева не ошиблась.

Поступивъ въ академію, она работаетъ по 8-ми часовъ въ день, но затѣмъ, находя малымъ этотъ непрерывный 8-ми часовой трудъ, она начинаетъ работать по ночамъ и по воскресеньямъ. И, дѣйствительно, въ два года оканчиваетъ 7-ми лѣтній курсъ.

„Сначала Башкирцева отдается живописи только, какъ мастерству, замѣчаетъ Н. К. Михайловскій, ее занимаютъ линіи, контуры, краски, освѣщеніе, сходство, словомъ техника. Но мало-по-малу ею овладѣваетъ искусство всѣми своими сторонами: она догадывается, что кромѣ „натурализма выполненія“, есть еще идеализмъ выбора сюжета или темы. Въ ней поднимаются новыя муки—муки сознанія своего безумія передъ огромностью задачъ искусства“.

Въ пылу этой, лихорадочной жизни, она больше всего мучается отъ страха не успѣть сдѣлать всего задуманнаго.

„Мнѣ кажется говорить она, свѣча моя разрѣзана на четыре части, и она горитъ со всѣхъ концовъ“.

Башкирцева спѣшила не только по тому, что это было въ ея характерѣ, но жаждала въ будущемъ создать себѣ независимость и видѣла въ этомъ возможность достиженія того многого, о чемъ она мечтала.

„Я хочу отъ всего отказаться ради живописи, писала она. Надо твердо помнить это и въ этомъ будетъ вся жизнь“.

„Такимъ образомъ я создамъ себѣ независимость, а тогда придетъ все, что только можетъ придти“ (1878 г.).

Первые уроки рисованія Башкирцевой относятся ко времени пребыванія ея въ Женевѣ, т.-е. къ десятилѣтнему возрасту. Но насколько извѣстно и какъ это бываетъ не рѣдко въ дѣтствѣ съ будущими знаменитостями, изъ первыхъ уроковъ рисованія Башкирцевой ровно ничего не выходило; кисть наводила на нее тоску.

Но чтобы ясно представить себѣ невѣроятные успѣхи ея занятій въ мастерской Жуліана и составить понятіе о ея недюженныхъ способностяхъ и рѣдкомъ дарованіи—нужно прослѣдить за тѣми занятіями въ ея дневникѣ, которыя передаютъ намъ замѣчанія руководившихъ Башкирцевой профессоровъ академіи.

Вотъ запись въ дневникѣ осенью 1877 года, т.-е. въ годъ ея наступленія въ академію.

5 октября. Вы сами это сдѣлали, — спросилъ Жуліанъ войдя въ мастерскую.

— Да.

Я покраснѣла, точно сказала неправду.

6 октября.—Будьте спокойны, сказалъ мнѣ Жуліанъ,—вы не долго будете въ дорогѣ.

„А когда въ 5 часовъ, мама пріѣхала за мной, онъ сказалъ ей приблизительно слѣдующее:

— Я думалъ, что это капризъ балованнаго ребенка, но я долженъ сознаться, что она дѣйствительно работаетъ, что у нея есть воля, и что она хорошо одарена. Если это будетъ такъ продолжаться, то черезъ три мѣсяца ея рисунки могутъ быть приняты въ Салонъ“.

Эти замѣчанія Жуліана повторяются постоянно.

„Каждый разъ, подходя поправлять мой рисунокъ, пишетъ Башкирцева, онъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ спрашиваетъ, сама ли я его сдѣлала“.

Тѣмъ не менѣе недовѣрчивость учителей не мѣшаетъ награждать ее похвалами и медалью.

Относительно успѣховъ Башкирцевой въ живописи Анатоль Франсъ говоритъ: „Это было, я думаю одно изъ тѣхъ внезапныхъ превращеній примѣры которыхъ мы встрѣчаемъ въ житіяхъ святыхъ и которыя открываютъ намъ натуру искреннюю, исключительную, безпокойную“...

Курсъ окончанія занятій въ мастерской Жуліана былъ оповѣщенъ Башкирцевой въ одно прекрасное утро слѣдующей фразой Жуліана:

„Теперь вамъ нужно самой работать, все чему можно было научиться, вы изучили“!

И Башкирцева, предоставленная самой себѣ, продолжаетъ работать одна.

Путешествія по городамъ Франціи, Италіи, Испаніи и Германіи, даютъ ей возможность сродниться съ произведеніями классическихъ мастеровъ; эстетическое чувство ея растетъ и развивается въ ней помимо всякаго посторонняго вліянія.

Она работаетъ одна до встрѣчи и сближенія съ Бастіанъ Лепажемъ и имѣвшимъ довольно сильное вліяніе на нее скульптуромъ Сенъ Марсо.

Талантъ ея развивается, крѣпнетъ, а недовѣр-

чивость ея бывшихъ и новыхъ руководителей къ ея успѣху не перестаетъ ее мучить.

По поводу замѣчанія относительно выставленной ею картины въ салонѣ, она пишетъ:

„Въ десять часовъ была въ салонѣ съ Г. Онъ говоритъ, что моя картина такъ хороша, что мнѣ навѣрное помогли. Это ужасно! (Май 1884 г.)“

„Я вернулась изъ Булонскаго лѣса и застала Боганицкаго который сказалъ мнѣ, что у художника Боголюбова говорили о Салонѣ, и что кто-то сказалъ, что моя картина *похожа* на картины Бастьень Лепажя.

.....  
Но нѣтъ говорю я вамъ: развѣ это не ужасно и развѣ можно не огорчаться?

Шесть лѣтъ, лучшихъ лѣтъ моей жизни, я работаю, какъ ка-торжникъ; не вижу никого, ничѣмъ не пользуюсь въ жизни! Черезъ шесть лѣтъ я создаю хорошую вещь и еще смѣютъ говорить, что мнѣ помогли! Награда за такіе труды обращается въ ужасную клевету!“

Участвуя на выставкахъ, Башкирцева думала объ одномъ — достигнуть славы. Она стремилась къ ней уже съ дѣтства и корни ея стремленій успѣли глубоко и твердо укрѣпиться въ ея честолюбивой натурѣ. Сосредоточивъ свое вниманіе на живописи и вся отдавшись служенію искусству, она хотя и не сумѣла оцѣнить себя по достоинству, но видѣла бѣзсомнѣнно въ своихъ успѣхахъ возможность достиженія желанной ей славы.

Вообще слово слава, „la gloire“ — это девизъ Башкирцевой, потому что въ славѣ и только въ славѣ, она полагала всю цѣль своей жизни.

Въ двѣнадцать лѣтъ она пишетъ:

„Слава, популярность, извѣстность повсюду — вотъ мои грезы, мои мечты“.

Но вмѣстѣ съ стремленіями къ славѣ у нея проглядываютъ еще стремленія и къ могуществу къ величію. Страсть ея блистать, властвовать, возвышаться надъ толпой доходить до настоящей маніи.

Въ предисловіи къ дневнику она говоритъ:  
„Съ тѣхъ поръ, какъ я сознаю себя—съ трехлѣтняго возраста, всѣ мои мысли и стремленія были направлены къ какому-то величію“.

Въ 15 лѣтъ она, создавая себѣ нѣчто въ родѣ собственныхъ заповѣдей, пишетъ между прочимъ:  
„...Братъ отъ жизни все, что можно, не дѣлать зла своимъ ближнимъ, не упускать ни одной минуты удовольствія, обставить свою жизнь удобно, блестяще и великолѣпно; главное подняться какъ можно выше надъ другими; быть могущественнымъ! Да, могущественнымъ! Могущественнымъ! Во что бы то ни стало!..“

Дальше она восклицаетъ.

„Но чего же я хочу? О вы отлично знаете. Я хочу славы!“

Встрѣчая новый, 1884-й годъ, она записываетъ въ своемъ дневникѣ:

„Свои пожеланія я выражу въ одномъ единственномъ словѣ—словѣ прекрасномъ, звучномъ, великолѣпномъ, опьянительномъ: „слава“.

Страсть Башкирцевой къ славѣ была настолько сильна и неотразима, что г. Андреевскій въ своей критической статьѣ даже находитъ возможнымъ считать Башкирцеву самымъ рельефнымъ чело-вѣческимъ типомъ, воплощающимъ славолубіе.

Эта страсть была въ ней благородна и естественна, она была порождена влеченіемъ къ умственной и художественной прокреаціи, т.-е. къ духовному воспроизведенію самого себя въ искусствѣ или въ литературѣ.

Такъ или иначе желанная „слава“, дѣйствительно откликнулась на призывъ Башкирцевой въ картинѣ, которая имѣла успѣхъ на парижской выставкѣ.

Къ картинамъ Башкирцевой, обратившихъ на

себя особое вниманіе и вызвавшихъ восторженные отзы́вы печати \*), относятся:

Въ 1880 году: „Молодая женщина, читающая „Разводъ“ Дюма. Это была первая картина, выставленная Башкирцевой въ Салонѣ. Она была подписана „Marie Constantin — Russ“. Въ 1881 году: „Мастерская Жюльена“, подписанная *Andrey*. Произведеніе это отличается своей жизненностью, твердостью рисунка, теплотою колорита, а также сложной и удачной композиціей, разнообразіемъ, точностью изображенныхъ на ней фигуръ.

Въ 1883 году Башкирцева выставила уже подъ своимъ именемъ картину „*Gean et Jacques*“ (Жанъ и Жакъ)\*\*) Картина эта изображаетъ двухъ мальчиковъ школьнико́въ изъ бѣднаго класса парижскаго населенія.

Въ этой картинѣ сказывается уже высокая степень зрѣлости въ сильномъ, смѣломъ и реальномъ талантѣ художницы.

Затѣмъ слѣдуетъ въ томъ же году пастельный портретъ „Парижанки“, за который Башкирцева получила похвальный листъ.

Къ 1884 году относятся этюды „Три рода смѣха“, пейзажъ „Осень“, картина „Одна“ или „Въ раздумьи“ \*). Наконецъ „*Le meeting*“ (Сходка). Это жанровая картина возбудила особенный интересъ на парижской выставкѣ. По словамъ Коппе, публика, толпившаяся передъ картиной, единогласно присуждала медаль Башкирцевой, но приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Кромѣ названныхъ произведеній Башкирцевой слѣдуетъ еще цѣлый рядъ картинъ, выдающихся своей совершенно своеобразной прелестью нео-

\*) Sport, Gazette de Femmes, le Monde Illustre и др.

\*\*) Продана въ Америку.

\*\*\*) Эта картина приобрѣтена Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ.

бычайной силой, полнотою захватывающаго и чарующаго реализма. Вообще изъ всего, что говорилось въ рецензіяхъ о картинахъ Башкирцевой, нельзя усомниться въ томъ, что ее ожидало самое блестящее будущее—роль величайшей художницы.

За первую свою картину, выставленную въ женской художественной выставкѣ въ Парижѣ, Марія Башкирцева была избрана членомъ „Русскаго артистическаго клуба“. Большинство картинъ Башкирцевой послѣ двухъ выставокъ, устроенныхъ въ Парижѣ французскимъ обществомъ женщинъ — художницъ — было приобрѣтено для музеевъ во Франціи и въ Америкѣ.

Намъ приходится сожалѣть, что въ русскихъ музеяхъ и картинныхъ галлерейхъ не имѣется ни одной изъ картинъ Башкирцевой.

Самобытное русское пластическое искусство, начатое по своему разнообразію и разнохарактерности, безусловно давно уже приковываетъ на себѣ вниманіе художественнаго міра всего свѣта. Третьяковская Галлерей въ Москвѣ, Эрмитажъ, молодой Музей Императора Александра III въ Петербургѣ, и др., всюду пользуются почтенной популярностью, громкой славой. Находящіяся въ нихъ многочисленныя произведенія пластики, произведенія большей частью выдѣляющіяся творческимъ геніемъ своихъ авторовъ, создали по себѣ огромную, богатую критическую литературу, связанную съ крупными именами историковъ пластическаго искусства.

Но тщетно сталъ бы искать любознательный зритель среди этихъ произведеній кисти, хоть одну картину Маріи Башкирцевой.

По этому поводу мнѣ вспоминается эпизодъ встрѣчи Башкирцевой съ покойнымъ Солдатенковымъ \*).

---

\*) Извѣстнымъ маценатомъ.

Эпизодъ этотъ относится къ 1881 году, ко времени пребыванія Башкирцевой въ Испаніи, гдѣ она писала копии съ картинъ испанскихъ художниковъ.

Въ своемъ дневникѣ Башкирцева упоминаетъ эту встрѣчу съ Солдатенковымъ и раскаивается, что на предложенія Солдатенкова—продать ему нѣкоторыя свои произведенія, она отвѣтила ему отказомъ.

И, дѣйствительно, это наводитъ на мысль, что въ иномъ случаѣ картины Башкирцевой могли бы быть теперь и въ нашихъ галлерейхъ.

По поводу двухъ картинъ, помѣщающихся въ Парижѣ въ Люксенбургскомъ музеѣ, я имѣю привести еще одну выписку изъ книги Маргольмъ.

„Если вы войдете въ одну изъ маленькихъ боковыхъ комнатъ Люксенбургскаго музея, увидите Маргольмъ, вамъ сразу бросится въ глаза яркое произведеніе кисти; оно производитъ на васъ такое же впечатлѣніе, какъ будто вы услышали лай собаки въ мертвой пустынь. Всѣ эти вознагражденные государствомъ таланты кажутся еще мертвыми, болѣе поблеклыми и болѣе манерными, чѣмъ раньше; изъ отдаленнаго угла на васъ взглянула вдругъ сама природа—взглянула рѣзко, нагло величественно; и она захватываетъ васъ и потрясаетъ. Что же представляетъ собою полотно? Всего на всего двухъ уличныхъ мальчишекъ, держащихъ совѣтъ у забора на солнечномъ припеѣ. На всемъ лежитъ безспорный отпечатокъ вліянія Бастіана Лепажа; это ясно, какъ день. Сѣрый колоритъ, палящій зной безъ солнца, это—бастіанъ-лепажеское; но въ картинѣ также много русскаго сухого воздуха, съ его особенными колебаніями, что-то болѣе прозрачное и болѣе жесткое, чѣмъ влажная французская атмосфера. Откуда у сдержаннаго Бастіанъ-Лепажа этотъ контуръ, эти смѣлыя линіи, угловатые сѣ-



рые прямо отъ руки набросанные штрихи, поражающіе геніальною вдохновенностью?

Это чисто русская природа съ ея глубокою и дѣтскою проникновенностью, это картина Маріи Башкирцевой.

Около двери виситъ маленькій портретъ: молодая русская женщина въ шубкѣ, чисто-русское, некрасивое лицо съ густыми неправильными бровями и загадочнымъ взоромъ татарскихъ глазъ. Что это? Безразличіе, гордость или животная чувственность“.

Среди картинъ женщинъ-художницъ, я не знаю ни одной, гдѣ бы такъ властно, всецѣло и всепоглощающе выступали личность и темпераментъ автора; очень мало такихъ картинъ и у современныхъ художниковъ. Все, что намъ могло дать это полудитя лучшаго общества, было такъ примитивно, почти безъ всякой культурной шлифовки, въ лучшемъ и худшемъ смыслѣ слова. Но вы сразу чувствуете львиныя когти.

Говоря о Башкирцевой какъ художницѣ, я долженъ сказать также объ одной ея неосуществленной идеи, ибо идея эта безусловно тѣсно связана съ тѣмъ, что она сама была художницей.

Преданная вообще искусству и страстно любя живопись, Башкирцева хотѣла учредить стипендію для художниковъ—женщинъ и мужчинъ. Но осуществленію этой идеи ей помѣшала преждевременная ея смерть.

Заканчивая главу о дѣятельности Башкирцевой какъ художницы, я позволяя себѣ остановить вниманіе читателей на портретѣ Башкирцевой, сдѣланной ею же самой.

„Взгляните на него и вы сразу переноситесь въ другой, чистый, свѣтлый міръ... Бѣлое тонко очерченное лицо съ золотистыми волосами, съ ярыми глазами, сіяющими вдохновеніемъ. Она въ черной рабочей блузѣ и большимъ бѣлымъ

воротникомъ; въ рукѣ палитра, невдалекѣ арфа; такова она въ своей мастерской, въ часы работы, когда глаза ея видятъ мысль сквозь формы и краски, и грудь учащенно дышетъ, точно невидимыя крылья несутъ ее въ какую-то высъ. Такъ описываетъ г-жа Л. Я. Гуревичъ впечатлѣніе производимое картиною Башкирцевой.

Дѣйствительно по разсказу очевидцевъ, густыя, темныя брови, далеко отстоящіе глаза съ мечтательнымъ и смѣло устремленнымъ взоромъ придавали хорошенькому, блѣдному лицу Башкирцевой что-то открытое и великое. Ея короткій носъ съ раздувающимися ноздрями, маленькій ротъ съ страстно очерченною верхней губою, круглый какъ у ребенка овалъ лица, короткая и сильная шея на упругомъ тѣлѣ — довершали чисто-малорусскій типъ Башкирцевой.

---

#### IV.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о письмахъ Башкирцевой и о перепискѣ ея съ де-Мопасаномъ \*). Изъ писемъ Башкирцевой слѣдуетъ отмѣтить главнымъ образомъ письма ея къ Дюма, Зола и Сюлли-Прюдому. Они представляютъ совершенно откровенныя замѣтки на счетъ личныхъ и литературныхъ достоинствъ этихъ великихъ людей.

Что же касается переписки съ Мопасаномъ, то она представляетъ серьезный психологическій интересъ. Своими письмами молодая художница, глубоко задѣвъ и даже уязвивъ болѣзненную

---

\*) Письма Б-вой и переписка ея съ Мопасаномъ напечатаны впервые въ „Художникѣ“ 1892 г. Позже въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1895 г.

душу Мопасана, вызвала его на откровенность, въ которой чувственный цинизмъ перемѣшанъ съ глубоко интимными личными признаніями. Переписка эта не лишена самой острой ядовитой полемики съ обѣихъ сторонъ. Она была затѣяна Башкирцевой въ началѣ 80-ыхъ годовъ.

Письма свои Башкирцева подписывала псевдонимомъ „*Миссъ-Хастинсъ*“ или данной ей Мопасаномъ кличкой „*Иосифъ*“.

Затѣвъ переписку съ Мопасаномъ, Башкирцева въ началѣ же переписки заявила что она „навсегда останется Мопасану неизвѣстной“. Мопасанъ былъ заинтригованъ ея остроумными, полными ядовитыхъ замѣчаній письмами, и умолялъ о личномъ свиданіи съ Башкирцевой. Но Башкирцева до конца сохранила свою анонимность, не поддавшись никакимъ просьбамъ Мопасана. Въ одномъ изъ писемъ Мопасанъ высказывалъ подозрѣніе, что письма написаны не хорошенькой, очаровательной женщиной, но старымъ хитрецомъ, старымъ училишкой, старой латинской крысой,—въ другомъ онъ полагаетъ, что его корреспондентка—дама легкаго поведенія, но онъ такъ и не узналъ съ кѣмъ переписывался. Это крайне любопытный фактъ, рисующій серьезную, вдумчивую, истинно артистическую натуру Башкирцевой.

---

## V.

„Que suis-je? Rien. Que  
veux-je être? Tout“.

M. Bachkirtseff.

Итакъ мы познакомились съ біографіей, трудами и жизненными интересами Башкирцевой.

Но выше приведеннымъ и сказаннымъ далеко не исчерпывается все, что даетъ намъ жизнь

Башкирцевой. Она, раскрывая намъ тайны женскихъ чувствъ и желаній, даетъ интересные отвѣты и сопоставленія для многихъ психологическихъ вопросовъ.

Въ лицѣ Башкирцевой мы знакомимся съ одной изъ исключительныхъ натуръ, исключительныхъ какъ по своей необыкновенно, и богатой одаренности, такъ и по всей *яркой индивидуальности*.

Башкирцева представляетъ собою рѣдкое явленіе и принадлежитъ по своему темпераменту къ одной изъ тѣхъ личностей, относительно которыхъ французы говорятъ „la lame use le figeu“; она принадлежитъ къ тѣмъ титаническимъ, страннымъ отзывчивымъ и именно загадочнымъ, гордымъ, эгоистичнымъ, безпокойнымъ натурамъ, для которыхъ нѣтъ удовлетворенія въ жизни, для которыхъ часто чрезмѣрная одаренность и сила испытываемыхъ ими ощущеній и чувствъ является пагубной, надламывая въ концѣ концовъ ихъ жизнь, надрывая натянутыя слишкомъ большой быстротой и силою ихъ тонкочувствующіе нервы. Удары жизни падаютъ обыкновенно имъ прямо въ сердце и уже никогда болѣе не изглаживаются слѣды ихъ.

Основною чертою этихъ натуръ есть непомерное честолюбіе или вѣрнѣе тщеславіе.

Натуры эти почерпаютъ сознаніе своего „я“ въ темной глубинѣ самосознанія. Онѣ живутъ духовной, скрытой въ самой въ себѣ жизнью, онѣ создаютъ себѣ свой собственный міръ и живутъ въ немъ, оберегая доступъ въ созданный ими міръ. Въ этой духовной жизни имъ открывается красота страданія и несчастья, онѣ познаютъ гордость одиночества.

Онѣ чувствуютъ всею силою своего существа. Пылкія души ихъ доводятъ душевныя и физическія страданія ихъ до чудовищныхъ размѣровъ.

Онѣ стремятся къ жизни и ихъ стремленія къ жизни носятъ самодовлѣющій характеръ. Онѣ не останавливаются ни передъ чѣмъ и не оглядываются назадъ.

Для нихъ всегда существуютъ все новыя и новыя перспективы жизни, которыя послѣ неудачъ онѣ создаютъ себѣ при первой же возможности.

Къ такимъ натурамъ принадлежитъ и Башкирцева.

„Говорятъ, что у всякаго артиста всегда бываетъ какой-нибудь конекъ, говоритъ Башкирцева; мой конекъ—это всѣ мои неудачи и горести, вновь и вновь приводящія меня къ подножію искусства, составляющаго единственный смыслъ и двигатель моей жизни“.

Мы видѣли, какъ Башкирцева, рѣшивъ сдѣлаться во что бы то ни стало чѣмъ-нибудь великимъ, думала стать сначала великою пѣвицею, но когда не удалось ей этого, она не падаетъ духомъ и думаетъ сдѣлаться великою художницею.

Въ своей духовной жизни Башкирцева томилась въ поискахъ своего собственнаго „я“, нервы ея разгорячились, пульсъ жизни бился все сильнѣе.

„Ея и безъ того высокое мнѣніе о себѣ становилось все выше. Все, что по природѣ было въ ней душевнымъ величіемъ, превращалось въ безграничное самомнѣніе“ (Маргольмъ).

Башкирцева была существо съ болѣзненно раздвоенной душою.

Съ одной стороны—это была чистая, какъ кристалль, дѣвственная душа; съ другой — это была молодая дѣвушка, знавшая слишкомъ много не только для своего возраста, но и для зрѣлой женщины. Это то обстоятельство, быть можетъ, и вызвало въ ней преждевременное разочарованіе, разрушившее и безъ того переутомленный ея организмъ.

Башкирцева всю свою жизнь жаждала глубокой истинной, возвышенной любви. Но во всю свою жизнь она не узнала взаимной и желанной ей любви.

Ея первая любовь къ герцогу была скорѣе самовнушенной любовью, чѣмъ искреннымъ, глубокимъ чувствомъ.

Ея вторая любовь не дала ей также того, чего жаждала ея душа. Эта была мелкая любовная исторія, просто флиртъ со стороны нѣкоего Пьетро Антонелли, племянника одного вліятельнаго кардинала, которымъ было увлеклась Башкирцева.

Но этотъ легкомысленный итальянецъ познакомилъ ее не столько съ тревожными радостями любви, съ муками ревности, сколько съ страданіями оскорбленнаго женскаго самолюбія. И если Башкирцева разошлась съ этимъ итальянцемъ, то къ этому побудила ее прежде всего ея гордость. Между тѣмъ жизнь Башкирцевой протекала въ томительномъ самосожиганіи въ поискахъ любви, въ тоскливомъ исканіи души, къ которой можно было бы всецѣло привязаться. „Я хочу любить, душа моя, такъ ищетъ родственной души“, не разъ восклицала Башкирцева. Но она осталась дѣвственницею душой и тѣломъ.

„Это была закрытая дверь, говоритъ Маргольмъ, и ее могла отворить только одна любовь мужчины“.

И Башкирцева, созданная быть великою пѣвицею, великою художницею, великою питательницею, могла быть прежде всего великою любящей женщиною. Но ея страстная потребность любить парализовалась ея увлеченіемъ искусствомъ, чадомъ славолюбія, общественной лихорадкой, кокетствомъ, обуздывалась культомъ своего „я“, который не терпитъ на своемъ алтарѣ никакихъ постороннихъ кумировъ.

Судьба не дала ей того счастья, той душевной гармоніи и полноты воспріятій, которыя дають только семейный очагъ, охраняющая женскую слабость мужская сила и дѣтская ласка. Между тѣмъ страстная любовь Башкирцевой къ жизни вмѣстѣ съ потребностью отыскать въ ней разумность и гармонію, скрытую отъ обыденной души, была одной изъ отличительныхъ чертъ ея таланта и натуры \*).

Быть можетъ, совершенно безсознательно для нея самой, но въ ней постоянно сочилась ядовитая мысль объ эфемерности и непрочности окружающаго и о необходимости другой жизни, хорошей, правдивой. Но какой именно—тутъ и начинается для нея рядъ оскорбительныхъ вопросовъ, мучительныхъ сомнѣній...

Отмѣтивъ отношеніе Башкирцевой къ любви вообще, гдѣ, какъ мы видѣли высказывается ея титаническая натура, необходимо остановиться и на характерныхъ взглядахъ ея къ вопросамъ религіи.

„Тамъ, гдѣ источники такъ обильны, говоритъ Гладстонъ, религія не могла не имѣть своей доли участія въ чувствахъ“.

---

\*) Къ иллюстраціи настроенія Башкирцевой приводимъ характерный сонъ, который она разсквываетъ въ своемъ „Дневникѣ“.

Ей снилось, будто на небѣ сверкали пять звѣздъ и на четыре изъ нихъ стоило ей только взглянуть, чтобъ онѣ скатились къ ней на колѣни. За пятой же ей пришлось тянуться къверху, стараться отскрести ее собственными ногтями—такъ крѣпко пристала эта звѣзда къ небу и это небо, какъ чуть только замѣтила она, оказалось лишь крышкой изъ синяго картона.

Сонъ объясняется такъ: четыре звѣзды—это земные дары, которыми она обладала—красота, богатство, родovitость и художественная одаренность, а пятая звѣзда олицетворяла собой счастье, которое ей никакъ не давалось.

Въ вопросѣ отношенія Башкирцевой къ религіи, также какъ во многихъ другихъ вопросахъ, высказывается ея натура. Отношенія ея къ религіи, ея вѣра въ Бога основано на чисто эгоистической почвѣ.

Небо для Башкирцевой — это членъ ея семьи, Богъ для нея—это существо готовое всегда услышать ея желанія, сдѣлать ей пріятное. Она молить его удовлетворить томленія ея души, обѣщаясь умилостивить его за это, и, наоборотъ, осыпаетъ его упреками, грозитъ, что перестанетъ вѣрить, если мольбы ея не помогаютъ ей, если дѣла ея не устраиваются по ея желанію.

Башкирцева страстно любитъ жизнь, она страстно привязана къ ней,

Разнообразная ея жизнь протекаетъ въ постоянныхъ странствованіяхъ, но, несмотря на это, она жалуется на жизнь, жизнь представляется ей тоскливой и пустой.

„Въ этомъ мірѣ,—говоритъ она,—все то, что не глупо—грустно“.

Ей всегда чего нибудь не достаетъ, и это происходитъ отъ того, что она хочетъ всего.

Въ словахъ Башкирцевой:

Que suis-je? Rien. Que veux-je être? Tout.

(„Что я такое? Ничто. Чѣмъ я хочу быть? Всѣмъ“), заключается довольно вѣрная характеристика основнаго мотива ея внутренней жизни.

„Чтобы быть спокойною, человѣческая природа должна быть уравновѣшенною, а чтобы быть уравновѣшенною она должна найти свой центръ тяжести“.

Но этого Башкирцевой не удалось.

Нужно принять во вниманіе что ни семья, ни учителя ея не руководили ее къ тому. Она не узнала ни руководящаго принципа характера, ни тайны душевнаго спокойствія.



Съ одной стороны несчастье Башкирцевой заключалось въ томъ, что у нея не было дѣтства или съ такой быстротой промелькнуло это дѣтство, что отрицательные слѣды, оставленные въ ней, оказались столь пагубными для ея отзывчивой природы.

Съ другой же стороны, какъ усматриваетъ Н. К. Михайловскій, бѣда Башкирцевой заключалась не въ какой-нибудь частной неудачѣ, а въ одной изъ основныхъ складокъ ея поистинѣ трагической судьбы. И не въ томъ эта особенная трагедія, что оборвалась струна, неуспѣвшая еще прозвенѣть, исчезла сила не успѣвшая себя обнаружить,—это прискорбная, конечно исторія, но еще прискорбнѣе то, что это вмѣсто съ тѣмъ и довольно обыкновенная исторія.

Трагедія въ томъ, что хотя Башкирцевой, было много дано, но это было или слишкомъ много или всетаки слишкомъ мало: слишкомъ много для зауряднаго счастья безкрылыхъ людей, слишкомъ мало для счастья людей окрыленныхъ.

Въ жизни Башкирцевой природа даетъ намъ трогательное зрѣлище, чередуя съ ужасающей быстротою смерть и любовь; но въ короткой жизни Маріи Башкирцевой, есть что-то такое до такой степени горькое и безотрадное, что сердце наше сжимается отъ боли.

„Elle faite pour beaucoup souffrir et pour beaucoup faire souffrir“ справедливо говорилъ про нее Коппе.

Здѣсь я не могу обойти молчаніемъ прекрасное замѣчаніе Анатоля Франса, замѣчаніе, которое на мой взглядъ въ нѣкоторыхъ чертахъ завершаетъ психологическій обликъ знаменитой русской женщины.

Думая, говорить Франсъ, о волненіяхъ мятежной души и пробѣгая мыслью эту беспочвенную жизнь, брошенную въ Европѣ на всѣ четыре

стороны, я съ жаромъ повторяю стихъ изъ молитвы Сентъ-Бѣва:

„О Боже!.. дай мнѣ родиться жить и умереть въ родномъ домѣ!“

На самомъ дѣлѣ это фатальное отчужденіе Башкирцевой отъ матери—земли пришлось искупить ей цѣною многихъ страданій и неудачъ.

Мысленно пробѣгая кратковременную жизнь Маріи Башкирцевой прежде всего и главнымъ образомъ удивляешься той неудовлетворенности, той тоски по свѣтлому идеалу, которыя гнали этотъ безвременно угасшій талантъ изъ сферы однихъ впечатлѣній въ сферу другую, совершенно противоположную, которыя заставляли ее искать вмѣстѣ съ тѣмъ все новые и новые виды борьбы и страданій...

Этотъ мятежный духъ неволью воскрешаетъ въ памяти знаменитыя слова такого же мятежнаго поэта:

„А онъ, мятежный, проситъ бури,  
Какъ будто въ буряхъ есть покой!“

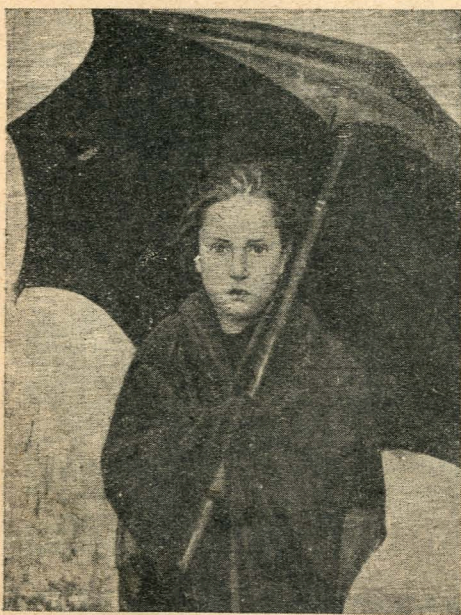


М. Башкирцевъ „Голова испанца“



**М. Башкирцева**

**„Портрет“**



**М. Башкирцева**

**„Под зонтиком“**



u/08

Ціна 20-00

Рис

**Б** 30702

ХХ  
СР

189  
87

Ціна 5 коп.